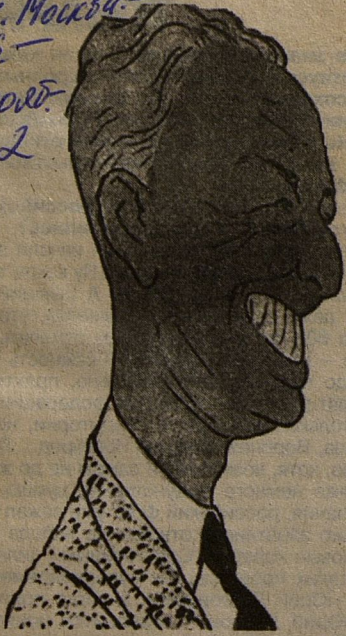

Ему бы исполнилось 90

Вет. Москва
1996
27 ноября
С.2

Роман Кармен.
Дружеский шарж Кукрыникова

Впервые я увидел Риму Кармена (именно уменьшительным «Рима», а не «Рома» звали его близкие и друзья) совсем юным, чуть-чуть еще застенчивым, но бойким паренком, начинающим фоторепортером и общался с ним добрых полстолетия вплоть до того, как он стал убежденным седой, признанным, всемирно прославленным мастером, увенчанным бесчисленными почетными званиями и наградами, видным общественным деятелем. Сколько встреч, эпизодов, общих переживаний! О чем вспомнить? Что рассказать?

Мы познакомились году в двадцать третьем в доме у писателя Ефима Зозули, дружившего еще в Одессе с отцом Рима, даровитым журналистом-очеркистом Лазарем Карменом. Именно Зозуля привлек молодого Кармена к работе в незадолго до того возникший «Огонек», редактируемый Михаилом Кольцовым. Много лет спустя Кармен вспоминал с искренней душевной теплотой: «Я храню первое мое журналистское удостоверение — это корреспондентская карточка «Огонька», сентябрь 1924 года, подписанная ответственным редактором Михаилом Кольцовым. Помню, как он, приходя в редакцию, помещавшуюся тогда в нескольких комнатках в переулке возле елисеевского «Гастронома», наполнял редакцию веселым смехом, щедро оделял каждого сотрудника идеями, мыслями, темами».

Там, в огоньковских «комнатушках» в Козицком переулке, в кипучей, неутомимой, чуть-чуть озорной редакционной суете мы и сдружились с Карменом. Он удивительно располагал к себе всем своим обликом — жизнерадостный, смешливый, общительный и, что называется, «заводной» паренек, охотно откликавшийся на любую интересную затею — будь то необычное редакционное задание или просто дружеская вечеринка, которые именно у нас тогда «междусобойчниками».

Мы вращались в те годы в одном кругу молодой поросли двадцатых годов — журналистов, поэтов, художников, фоторепортеров — горячих, напористых, держащих.

Уже тогда Кармен стал выделяться инициативностью, оперативной хваткой, растущим профессиональным мастерством. Он не довольствуется фоторепортажем и начинает активно и весьма успешно работать в кинохронике. Скоро его имя приобретает определенную известность, особенно после его участия и камерой кинооператора, и пером журналиста в вышедшем большой интерес автопробега Москва — Кара-Кумы — Москва.

Примерно в это время Кармен пригласил меня к себе домой на маленькое семейное торжество: его мальчику исполнилось полгода. Впрочем, к себе домой — это не совсем точно: своего жилья у Кармена еще не было. Вместе с молоденькой женой Марианной они жили в квартире ее отца, видного партийного деятеля Емельяна Ярославского. Гостей было немного. Кроме меня, еще двое. Это была уже тогда широко известная, а ныне, можно сказать, почти легендарная чета — Александр Довженко и Юлия Солнцева. За маленьким столом со скромным угощением было на редкость симпатично и душевно. Юлия Ипполитовна, еще недавно прославленная исполнением роли Аэлиты в фильме по сценарию Алексея Толстого, рассказывала разные забавные истории, Кармен живо и остроумно описывал занятные эпизоды каракумского автопробега.

Так и прошла бы, наверное, наша встреча в духе непритязательного дружеского застолья, но Довженко не был бы Довженко, если бы не внес в нашу беседу столь характерную для него ноту возвышенной патетики. Он почти не принимал участия в разговоре, сидел, задумчиво поглядывая на молодых супругов, и наконец, нахмурившись и ни на кого не глядя, медленно заговорил:

— Я что сказать хочу... Вот они сидят тут, молоденькие, по сути совсем еще дети... А ведь у них здесь рядом, за стенкой, уже свое малое дитя спит... Крохотное существо, а ведь уже человек... Человек! Так то ведь есть наше новое советское поколение! Наше будущее! И кто, как не мы, старшие, за него в ответе перед страной! Перед историей! И если мы все... Все! Если мы не обеспечим таким малышам счастливую жизнь на земле, то зачем, спрашивается, мы тогда живем на свете? Зачем?

Все были взволнованы. Марианна обняла и расцеловала Александра Петровича, Кармен крепко пожал ему руку, мы с Солнцевой зааплодировали.

Шли годы. Кармен стал одним из ведущих и самых известных кинодокументалистов, он в непрерывных разъездах, экспедициях, пробегах. А лето 1936 года застает его на фронтах гражданской войны в Испании. Здесь ему доводится работать бок о бок со своим первым редактором Михаилом Кольцовым, в известном «Испанском дневнике» которого мы находим самые добрые и уважительные слова о Кармене, его храбрости, неутомимости, неунывающем и веселом характере. «Отличное сочетание талантов газетчика и кинематографиста», — пишет о нем Кольцов.

В одном ряду воспринимались миллионами советских людей кольцовские корреспонденции в «Правде» и карменовская кинохроника. Их глазами мы видели героическую и неравную борьбу республики против испано-итало-германского фашизма. Вместе с ними мы принимали участие в осаде крепости Алькасар в Толедо, были очевидцами упорных боев в Университетском городке под Мадридом, варварских налетов фашистской авиации на испанскую столицу, вместе с ними перелетали через линию фронта в мужественно сопротивляющуюся фашистам Астурию.

Война в Испании — первое открытое вооруженное столкновение с силами фашизма — явилась как бы прелюдией ко Второй мировой, а затем и Великой Отечественной войне, в которой Михаилу Кольцову, увы, не суждено было принять участие. Надо ли говорить, что с первых ее дней Кармен был в рядах кинооператоров-фронтовиков. Встречались мы в эти годы редко. Но одна встреча мне особенно запомнилась. Был уже год сорок четвертый. Вместе с писателем Василием Гроссманом мы в качестве корреспондентов центральной военной газеты «Красная звезда» колесили на «виллисе» по фронтовым дорогам освобожденной Польши, только-только приходившей в себя после кошмара почти пятилетней гитлеровской оккупации. В один из дней мы заехали в штаб 65-й армии, перед которой стояла задача форсировать реку Нарев. Был уже вечер, и мы расположились спать в какой-то хате на разбросанных по полу охапках сена. Я уже засыпал, когда кто-то в темноте к нам вошел.

— Здесь, говорят, люди из Москвы приехали. Привет, товарищи. Расскажите, что там в столице.

Я сразу узнал голос Кармена. — Здравсьте, Рима! Мы точно из Москвы, но выехали из нее две недели назад.

Кармен безмерно удивился. — Боря? Вы-то как здесь очутились?! — Он стал с жадным интересом расспрашивать о Москве.

КАРМЕН

ТАКИМ ЕГО ПОМНЮ

ковских новостях и событиях, об общих знакомых и в заключение сказал: «Ну, братцы, мне пора. Рано утром надо быть на передовой, снимать бросок наших танков через Нарев. Встретимся потом у командующего».

Мне довелось впоследствии видеть кадры кинохроники, где наши танки, вздымая бурные каскады воды, под бешеным огнем противника устремляются к противоположному берегу Нарева. И нельзя не отдать должное мужеству кинооператора, запечатлевшего это. Кстати, за участие в операции Кармен в числе других был награжден боевым орденом Красного Знамени.

Под вечер того же дня мы действительно встретились у командующего армией. С Павлом Ивановичем Батовым Кармен был хорошо знаком еще по Испании, где Батов был начальником штаба у легендарного генерала Лукача. Как известно, Батов находился вместе с ним в автомобиле, когда разорвался роковой шальной снаряд, оборвавший жизнь Лукача, а Батов был тяжело контужен. С любопытством смотрел я на них — генерала и кинооператора. С точки зрения военной субординации между ними была огромная дистанция, но когда вспомнили Испанию, они превратились в связанных незабываемыми событиями однополчан.

Следующая встреча с Карменом — ровно через год. Замолкли орудия великой войны. Группа советских писателей, журналистов, художников, кино- и фоторепортеров направлялась в Нюрнберг на открытие процесса над главными немецкими военными преступниками. Был тут, разумеется, и Кармен, подтянутый и даже щеголеватый, в ладно сидящей на нем форме офицера-танкиста, как всегда, жизнерадостный и деловитый.

Путь в Нюрнберг оказался далеко не простым — когда после двухдневного пребывания в Берлине мы вылетели в Нюрнберг, находившийся в американской зоне оккупации, наш самолет попал в аварийную ситуацию — полное отсутствие видимости и невозможность посадки. Пассажиры сидели притихшие, мрачно поглядывая в окна, за которыми простиралась непроницаемая белесая

мгла, так называемое «молоко». И тут Кармен, отворнувшись от окна и оглядев ряды кресел, где сидели известные всей стране деятели, бодро возвестил: «Какой шикарный некролог!». И, как ни странно, его веселый звонкий голос вызвал улыбки и какой-то подъем настроения. Наш пилот смог как-то с большим риском развернуться и на последних каплях бензина вернулся в Берлин. Этот малоприятный полет вызвал определенное брожение среди членов экспедиции. «Возмутителем спокойствия» стал писатель Леонид Леонов.

— Безобразие! — кричал он. — Головоустройство! Отправляют самолет, ничего не зная толком о погоде! А если американцы дадут неверные сведения? Меня послали на ответственнейшую работу, и я везу туда свою голову. Понимаете? Го-ло-ву! Так будьте любезны доставить меня туда в целости и сохранности, обеспечить харчами и указать, где сортир. Короче — никаких самолетов! Ехать в Нюрнберг на машинах!

Мнения разделились. Часть делегации присоединилась к Леонову, и в том числе мои коллеги — трое Кукрыникова. Я решил не отрываться от сатирической фракции и, надо сказать, об этом не пожалел, т. к. проехать по дорогам и городам послевоенной Германии было куда интереснее, чем проплыть над ней за облаками. Но зато мне изрядно досталось от Кармена, который вместе с другими, оставшимися в самолете, членами делегации прилетел в Нюрнберг накануне (погода на сей раз благоприятствовала) и поспел к началу процесса.

— Ну, Боря, — говорил он, язвительно улыбаясь. — От кого-кого, а от вас не ожидал подобного номера. Неприглядное, надо сказать, представляли вы все зрелище, когда, трясая задами, вытаскивали свои чемоданы из самолета. От кого-кого...

— Подождите, Рима, — защищался я. — А что, собственно, произошло? Хорошо, что вам повезло с погодой. А если бы опять туман и «молоко»? Вы бы еще кували в Берлине. К тому же для нас, художников, оперативность не так важна, как для кинохроники. Зарисовать Гитлера или Риббентропа на скамье подсудимых мы можем и на второй день процесса, и на третий, и на десятый.

— Ладно, ладно, — сказал Кармен. — Замнем для ясности. А все-таки нехорошо отрываться от коллектива.

Эта маленькая размолвка, однако, ничуть не омрачила наших дружеских отношений. В гостинице «Гранд-отель» мы с Карменом поселились в одном номере и даже впервые перешли на «ты». Но скоро я обнаружил, что живу не в обычном гостиничном номере, а в некоем оперативном, круглосуточно действующем командном пункте подчиненной Кармену киногруппы, которой он управлял со свойственной ему энергией и решительностью. Непрерывно звонил телефон, то и дело появлялись и исчезали взмыленные кино- и фоторепортеры. Табачный дым висел плотной пеленой. Почувствовав себя среди этой железной когорты абсолютно чужеродным телом и не встретив со стороны Кармена ни малейших возражений, я отселился от него, объединившись с известным украинским писателем, милейшим Юрием Ивановичем Яновским, с которым мы, оба тихие и некурящие, в мире и согласии прожили все оставшиеся нюрнбергские дни.

По Нюрнбергскому процессу Кармен создал замечательный, глубоко впечатляющий фильм «Суд народов», которым Кармен, на мой взгляд, неоспоримо занял первое место в документальном кино нашей страны, что убедительно подтвердили и все его последующие отличные полнометражные фильмы. В эти годы мы встречались редко, только на больших мероприятиях — съездах, конференциях, юбилеях, где он появлялся, как правило, в президиуме, величавый, даже чуть-чуть высокомерный, с золотой звездой Героя Социалистического Труда на груди. Одна из таких мимолетных встреч мне запомнилась. Кармен работал тогда над фильмом «Сердце Корвалана» о лидере компартии Чили.

— А знаешь, Рима, — сказал я, — в твоей группе работает оператором мой внук Виктор. Как он там? Не жалуешься на него?

— Виктор? Да, есть такой. По-моему, неплохо работает. Так это твой внук. — И, как бы спохватившись, Кармен воскликнул: — Бо-же мой! Подумать только — взрослый внук Бори Ефимова работает у меня кинооператором! Какие же мы с тобой старые... А, кстати, что твой Виктор говорит о своей работе?

— Доволен, что проходит у тебя хорошую школу.

— Правильно говорит, — засмеялся Кармен. — Хотя я знаю, что со мной трудно работать. Я ведь, Боря, беспощаден к себе и от других требую того же.

Слова «беспощаден к себе» Кармен произнес уже без всякой улыбки и не без какой-то горечи. И действительно, в какие только труднейшие киноэкспедиции в самые отдаленные места нашей планеты не пускался он, не щадя себя, со своим большим сердцем. Сколько раз приходилось слышать:

— А Рима-то вчера улетел во Вьетнам (или на Кубу, или в Латинскую Америку, или в Индию...).

— Как улетел? Он ведь недавно лег в больницу. Опять что-то с сердцем. Говорят, предынфарктное состояние.

— Вот так и улетел. Что, вы не знаете Кармена? Не может усидеть на месте. А ведь как рискует...

Последний раз мы столкнулись с Карменом в вестибюле Центрального Дома литераторов. Незадолго до того вышел на экран созданный им вместе с Константином Симоновым фильм «Гренада, Гренада, Гренада моя».

— Слушай, Боря. Когда мы с Костей были в Мадриде, то не могли не вспомнить о Кольцове. Я хочу сделать фильм о Михаиле Ефимовиче. В основе будет симоновский очерк «Михаил Кольцов, боец против фашизма».

— Что ж, Рима, это будет справедливое и доброе дело.

— Это мой долг, Боря. Вот закончу с «Великой Отечественной...». Мы пожали друг другу руки и разошлись. А ровно через четыре дня вечером с экрана телевизора на меня глянуло лицо Рима Кармена. Оно было в черно-красной траурной рамке. Он умер, как солдат, на посту, за монтажным столом, работая над последней серией «Великой Отечественной».

Борис ЕФИМОВ